

**Актуализация марксизма в контексте национальных традиций:  
от политэкономии Маркса к историософии Данилевского.**

А.М. Соколов

1. Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Менделеевская линия, д. 5.

2. Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского 191011, Санкт-Петербург, набережная реки Фонтанки, д. 15, литер А.

Н.В. Кузнецов

Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Менделеевская линия, д. 5.

**Аннотация.** Авторский замысел состоит в том, чтобы показать реальную историческую перспективу марксизма, позитивное содержание которого состоит в радикальной критике капиталистического способа производства и буржуазной политико-правовой системы. В силу того, что противоречия капитализма в странах-метрополии были сняты за счет перенесения их в страны-периферии и полупериферии, историческое их разрешение может быть реализовано преимущественно народами этих стран. Историософская концепция Н.Я. Данилевского, по мнению авторов, имеет высокий эвристический потенциал для истолкования социально-политических процессов становления постглобальной цивилизации. Кроме того, авторы считают, что достижения социокультурного строительства в СССР был результатом творческого переосмысления марксистской теории в ценностном горизонте русско-российской цивилизации. А опыт построения «социализма» в отдельно взятой стране может служить примером преодоления зависимости от буржуазно-капиталистической гегемонии.

**Ключевые слова:** марксизм, капиталистическое производство, буржуазная цивилизация, отчуждение, цивилизационная независимость, Н.Я. Данилевский, посткапитализм

**Abstract.** The author's intention is to show the real historical perspective of Marxism, the positive content of which consists in a radical critique of the capitalist mode of production and the bourgeois political and legal system. Due to the fact that the contradictions of capitalism in the metropolitan countries were removed by transferring them to the countries of the periphery and semi-periphery, their historical resolution can be implemented mainly by the peoples of these countries. The historiographical concept of N.Ya. According to the authors, Danilevsky has a high heuristic potential for interpreting the socio-political processes of the formation of a post-global civilization. In addition, the authors believe that the achievements of socio-cultural construction in the USSR were the result of a creative rethinking of Marxist theory in the value horizon of the Russian-Russian civilization. And the experience of building "socialism" in a single country can serve as an example of overcoming dependence on bourgeois-capitalist hegemony.

**Keywords:** Marxism, capitalist production, bourgeois civilization, alienation, civilizational independence, N.Y. Danilevsky, post-capitalism

**Благодарности.** Статья выполнена при поддержке Российского научного фонда.

**Финансирование:** грант № 24-28-00533, <https://rscf.ru/project/24-28-00533/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского/

«Враждебность Европы слишком очевидна:  
она лежит не в случайных комбинациях европейской политики,  
не в честолюбии того или другого государственного мужа,  
а в самых основных ее интересах».

Н.Я. Данилевский

Как возможен актуальный марксизм?

Ответ на этот вопрос совсем не прост. Но значимость его возрастает по мере признания того, что марксизм является ключевым в структуре западного, буржуазного самосознания. Ведь учение Маркса не только, а, может быть, и не столько диалектический анализ и критика капитализма (капитала), сколько его герменевтическая феноменология, то есть последовательное постижение смысла явления, многоплановая и систематическая дескрипция уже состоявшегося со-бытия. Маркс совершил «анатомическое» вскрытие буржуазно-капиталистического организма в стадии его созревания, описав динамику его развития и расцвета, и указав на те его элементы, в которых уже наметился процесс увядания, деградации. Середина XIX столетия – осень капиталистического мира.

Историческая состоятельность исследования Карла Маркса подтвердилась тем, что после его выхода в свет капитал как явление больше не мог оставаться самим собой. Тотальная рефлексия «перевела» его в онтологический разряд со-бытия. Из совокупности относительно разрозненных фактов предпринимательской деятельности капитал превратился в фундаментальный принцип мироустройства. Однако эпичность этого события несла в себе трагическое осознание неизбежного и уже увиденного, предсказанного конца. С этого момента вольно и невольно, признавая причину собственной гибели, капитал не мог не предпринимать титанических усилий, мечтая или перехитрить свою сущность и тем самым избежать гибели, или хотя бы отодвинуть его во времени, на как можно более длительный срок. Отсрочка собственной смерти – стало последним предприятием Капитала – предприятием, в котором он за ценой не постоит.

В «Капитале» Маркс раскрыл благодатную мудрость истории, в диалектической логике которой продукты распада одной системы становятся элементами, генерирующими новую систему. «Призрак бродит по Европе. Призрак коммунизма», – такими словами Маркс и Энгельс предвосхитили грядущий общественный строй, идущий на смену капитализму. Возможно риторическая мистификация понятия, которым мыслители пытались передать суть ранее небывалого типа общественного строя, отчасти способствовал его демонизации в идеологическом дискурсе буржуазной учености. Но коммунизм ведь и, в самом деле, в сере-

дине XIX столетия не мог мыслиться иначе, как «призрак». Он так и мыслился – но как положительно реальный: и потому он не на шутку пугал, не мог не напугать, не потрясти умы состоятельных в своей просвещенности бюргеров. И страха этого бюргерам не суждено было преодолеть. Раз возникнув, этот страх стал неотъемлемой чертой буржуазного сознания. Страх всегда там, где есть нечто неведомое, точнее – нечто непостижимое. А непостижимо это неведомое по причине того, что ум каждого добропорядочного бюргера в отдельности и буржуазное сознание в целом, уже завершили эволюционный путь восхождения к истине, как завершили и ту исторически продуктивную, значимую деятельность, интегральным результатом которой они (ум бюргера и сознание буржуазии) явились.

Другими словами, то, что узрел гений Маркса, не могло быть воспринято взором закоренелого буржуа по причине отсутствия у него новой оптики обозрения, которая позволила бы ему схватывать определенность того, что ни во что им не ставится. Для буржуа все кроме него самого – ничто, материя, чистая потенция и нечего больше. Буржуа не ведомо то отношение к существу, которое имели в виду, предвидели и о котором писал Маркс. Да и он сам мог только догадываться о будущем, не претендуя на то, чтобы дать ему такое же систематическое описание и тем более проанализировать, как это было проделано с настоящим капитализмом. Будущего пока не было в том смысле, что не было еще отношений будущего, не было опыта будущего, не было будущей практики, в которой этот опыт мог бы осуществиться и стать настоящим. Потенция будущего открылась Марксу в радикальных, но пока неосмысленных, стихийных протестах пролетариата, еще не осознающего того, что его статус в мире капитала в буквальном смысле ничтожен. Подлинная же практика – это форма систематического и конструктивного отношения к бытию, которое открывается человеку в соответствии с тем порядком, следуя которому он обращается к существу. Пролетариат такой собственной практики не имел.

Маркс отчетливо понимал, что ахиллесова пята капитала ни в чем ином, как в том, что превратило квазимаргинальное третье сословие в исторический класс буржуазии; а именно – в исключительном способе деятельности, развернувшейся в действительности перманентно расширяющегося производства, самопроизводства капиталистического мира как бытия, упорядочиваемого согласно буржуазному принципу. А принципом буржуазного мироустройства, его деятельной причиной, задающей порядок всему существу, является отчуждение. Отчуждение в концептуальном плане полагает себя универсальным, всеобщим перводействием, первопричиной, в самом что ни на есть строгом смысле слова. Причем, Маркс, рассуждая об отчуждении, как бы подвел итог теоретического становления этого понятия, в котором схвачена суть и капиталистического производства и буржуазного порядка в виде так называемого «правового государства». И, видимо, не случайно, начиная с итальянца Макиавелли и его сочинения «Государь», мы можем проследить не только смысловую «генеетику» понятия «отчуждения», но – и всю генеалогию буржуазной цивилизации в ее конструктивной фазе.

Учения Гоббса, Локка, Руссо, Гегеля дают отчетливое понимание динамики вызревания буржуазного самосознания в его цивилизационной перспективе.

В нынешней российской историографии не принято использовать типологию мыслителей и их учений, разработанную в советскую эпоху. Тем не менее, идейное содержание гегелевской «Философии права» с полным основанием позволяет видеть в нем философа буржуазии – причем в том высоком историческом смысле, на который обращал внимание Энгельс: «Но как быть с капиталистическим классом, с тем просвещенным и либеральным классом, который основал британскую колониальную империю и установил британскую свободу? С тем классом, который что реформировал парламент в 1831 г. отменил хлебные законы и снижал одну пошлину за другой? С тем классом, который создал в Англии гигантские фабрики и продолжает управлять ими, который создал огромный торговый флот и все растущую железнодорожную сеть? Вероятно, этот класс должен быть, по крайней мере, столь же необходимым, как и рабочий класс, которым он управляет, ведя от успеха к успеху» [1, 297].

Тем замечательнее то, что негативная модальность сущностного определения буржуа – отчуждение – в гегелевском истолковании приобрело позитивное выражение через понятия присвоения и собственности, как ключевых в системе политико-правовой организации буржуазного общества. Но еще более замечательно, что именно с этого момента критически вступает Маркс со своей «Критикой гегелевской философии права».

Напомним, что Маркс в работах 1843-1844 годов был занят формулировкой основного вопроса, отвечая на который он будет продвигаться и развивать свое учение на протяжении всего творческого пути. Расширение названия «Капитала» («Критика политической экономии»), позволяет говорить о том, что для самого мыслителя его многолетнее исследование было пропедевтикой к положительной части учения, которое начато было именно в ранних произведениях («К критике гегелевской философии права», «Святое семейство», Экономическо-философские рукописи 1844 года», «Немецкая идеология»). И уже здесь Маркс отчасти совместно с Энгельсом, интересовался исторической перспективой, которая открывается в процессе преодоления всех способов отчуждения-присвоения, «изобретенных» буржуазией. И внимание основоположников исторического материализма обращалось к пролетариату как квазисубъекту буржуазной истории и как субъекту будущей настоящей истории, в которой осуществление свободы станет всеобщей действительностью. Вот поэтому Маркс, полемизируя с Гегелем и его последователями, пишет об «образовании класса ... гражданского общества, который не есть класс гражданского общества; такого сословия, которое являет собой разложение всех сословий» [2, 427]. Но это едва ли ни все, из сказанного Марксом о том, каков будет новый субъект исторического развития, а значит - и развитие истории в целом.

Проблема выработки собственного исторического типа деятельности – это проблема будущего, начинающегося сейчас – в момент осознания этой проблемы, осознания, осуще-

ствившегося после того, как такое действие пусть и в зачаточной форме стало фактом. Маркс, как мы знаем, прообраз нового типа политической деятельности увидел в действиях рабочих Парижской Коммуны, осознавших «несостоятельность» и «измену» «господствующим классам» [3, 339]. В логике его размышлений Парижская Коммуна – это раннее-ранее утро эпохи коммунизма, которую они определяли «не как идеал, с которым должна соотноситься действительность», а – «действительное движение, которое уничтожает теперешнее (буржуазное – А.С., Н.К.) состояние» [4, 34]. Но каково оно – это «действительное движение»? Ответ на этот вопрос теоретически Маркс дать не мог по одной простой причине – фактического отсутствия опыта такого движения. Тем и была интересна Марксу Парижская Коммуна, что в ней ему виделись первые элементы новой исторической практики.

В реальности же последовавший позже опыт парламентской борьбы первых рабочих партий в Англии, Франции, Германии, был опытом на поле, которое разработала, продолжает разрабатывать и контролировать буржуазия. История показывает, что на нем она, скорее всего, непобедима. История европейской социал-демократии, в ходе которой к середине двадцатого столетия рабочее движение фактически было ассимилировано системой либерально-демократического парламентаризма, прекрасный тому пример. К сожалению, здесь нет возможности детально анализировать причины идейно-политической трансформации коммунистического движения в Европе. Коротко это можно объяснить цивилизационной целостностью буржуазного общества, которое постепенно расширило область своего осуществления на все социальные группы западных государств. Правда, ценой такому «историческому успеху» стало тотальное расширение изощренной эксплуатации народов стран, так называемых периферии и полупериферии.

Несколько корректируя слова Маркса, касающиеся немецкого общества, бывшего на момент их написания в роли аутсайдера «капиталистического соревнования», сегодня можно сказать следующее: почти каждая нация, считающая себя европейской, «начинает осознавать себя и располагаться, со всеми своими особыми притязаниями, рядом с другими не тогда, когда её угнетают, а тогда, когда современные отношения создают – без всякого содействия с её стороны – такую стоящую ниже её общественную сферу, которую она, в свою очередь, может угнетать» [ср. 2, 426]. Такой порядок буржуазный Запад распространяет на все мировое сообщество, противопоставляя собственную утвержденную истинность недоразвитой истинности других народов. Здесь Запад выступает единой нацией не в этническом, а в цивилизационном смысле. Нация – самопорождающаяся целостность. Однако, в глобальном цивилизационном контексте, проблема не сводится просто к угнетению, эксплуатации одной части человечества другой. Дело в том, что эксплуататорская сущность буржуазии помимо очевидного проявления, несет в себе то, что для самой буржуазии остается неведомым. Эксплуатация других в социо-онтологическом плане означает разрушение фундаментального принципа человеческого бытия – общения, приводит к ослаблению и самой буржуазии. Ведь источник ее силы, могущества в отчуждаемой ею сущности того, кого и что она эксплуати-

рует. И этот ресурс не бесконечен. А источником его восполнения является именно не угнетающее, не отчуждающее, а преобразующее общение.

Интеллектуальное доминирование Запада, продолжающееся, по меньшей мере, три столетия, убедило не только политическую, но и академическую мысль почти в аксиоматической очевидности того, что война, конкуренция, борьба за существование являются главными двигателями исторического развития. Понятно, что иначе не могло быть, так как именно конкуренция и война определяют сущность капиталистического общества, или буржуазной цивилизации. Конечно, в середине XIX века трудно было не поддаться искушению принять за истину то, что исповедует цивилизационный гегемон. Но очевидность критических противоречий выявленных Марксом, не могло не инициировать поиски концептуальных решений по преодолению уже проявившегося кризиса капитализма. И здесь было два пути: либо двигаться в направлении указанном Марксом, признавая безусловность экономико-исторического универсализма; либо отказаться от него в виду того, что он воспроизводит все тот же принцип противоборства, присущий капиталистической буржуазности.

Первый путь предполагал теоретическое обоснование появления нового исторического гегемона в виде нового победившего класса. Но сомнения в продуктивности этого пути не могли не возникнуть уже во времена самого Маркса. Ведь рабочий класс передовой Великобритании по мере развития капиталистической экономики постепенно утрачивал революционный энтузиазм. А в XX веке революционный энтузиазм «трудящихся» и других стран развитого капитализма переродился в бунтарский произвол молодежи и люмпенизированных социальных слоев. При этом риторика гуманистических ценностей со все нарастающей очевидностью приобретала декларативный характер. А отчуждение родовой сущности человека стало еще более изощренным. Буржуазная идеология либерализма фактически превратилась в диктатуру управляемого потребления, осуществляемую внесударственными структурами капитала. А всякое соперничество, или конкуренция, было нивелировано корпоративными соглашениями монополистов.

Второй путь наметился в те же годы середины девятнадцатого века, когда зрелость капитализма проявилась в первом системном кризисе, вызвавшем помимо грандиозного внутреннего социального взрыва (революция 1848 года) мощнейшие внешние военные конфликты капиталистической метрополии к колониальной периферией: восстание сипаев в Индии, опиумная война в Китае, Крымская война с Россией. При всем кажущемся, на первый взгляд, различии причин, приведших к страшным событиям в разных частях земного шара, их объединяет одно и главное. В Европе, в Индии, Китае и России капитализм столкнулся с силами, представлявшими ему угрозу. Внутренняя угроза могла быть устранена и была устранена в логике буржуазного согласования интересов. Устранение внешней угрозы в эту логику не вписывалась. Здесь впервые обозначилась проблематичность не просто капиталистической системы, но – проблематичность собственно буржуазной цивилизации, развивавшей принцип «*Bellum omnium contra omnes*», в контексте которого конкуренция была

частным и наиболее цивилизованным проявлением, а захват, присвоение, отчуждение, эксплуатация или даже уничтожение – универсальными способами решения проблем.

Поэтому второй путь означал выбор собственного вектора развития каждой из стран, которая осознавала губительность следования в кильватере буржуазной цивилизации. Другими словами, второй путь в любом случае означал отказ от капиталистической доминанты и автоматически ставил под сомнение целесообразность ее принципов. Трудность такого выбора состояла в том, что к середине XIX века почти все страны мира были так или иначе включены в порядок капиталистического управления. Россия же, вероятно, наименее зависимая в материально-техническом плане, находилась под сильнейшим интеллектуально-духовным влиянием Европы. А самостоятельное движения вперед не возможно было без четкого осознания ценностной несовместимости России и Европы, не смотря на их кажущееся духовно-историческое родство. Необходимо было интеллектуально-волевое усилие для того, чтобы обосновать фундаментальность этой несовместимости, оперируя не только аргументами «древности», но и современной фактологией. Эту задачу выполнил Н.Я. Данилевский.

Примечательно, что исследование русского мыслителя вышло всего через два года после публикации первого тома «Капитала». Можно сказать, что оно проводилось примерно в то же время, что и марксовский анализ. Понятно, что мотивация у мыслителей была совершенно разной. Тем не менее, для обоих была очевидна бесперспективность того пути развития, по которому шел Запад. Только для немецкого мыслителя это была преимущественно отвлеченная проблема, а в понимании нашего ученого конкретика буржуазного мироустройства вступала в радикальное противоречие с конкретикой российского жизненного уклада. Этим обстоятельством легко объясняется методологические и стилистические различия исследований. Политэкономическая версия философии у Маркса тяготеет к математическому формализму, а вместе с ним к универсализму в европоцентристском развороте. С большой долей вероятности, можно допустить, что Данилевский, иронически упоминая о политической экономии, полагающей, «что всякое господствующее в ней учение есть общее для всех царств и народов» [5, 195], имел в виду теорию Маркса.

Политическая же философия самого Данилевского демонстрирует мастерство культурно-исторических обобщений задолго до теорий В. Виндельбанда, В. Дильтея, Г. Зиммеля. Его категорическое неприятие европоцентристской позиции как раз и было связано с пониманием того, что буржуазность есть финальная стадия «германо-романского» культурно-исторического типа. А Крымская война как прототип и предвестник мировых войн закономерно обнажило непримиримую враждебность Европы по отношению к России именно в силу усмотрения в ней своего «могильщика»: непонятного, а значит – страшного «призрака», обретающего плоть и силу.

Сочинение Н.Я Данилевского может быть понято как манифест, в котором национальное самосознание России раскрывает свою сущность, свое содержание, определяет его

по отношению к европейской духовности, к которой пыталась причаститься, начиная с XVII века. Выводы русского мыслителя опираются на тщательно выверенную фактографию, из которой следует заключение, вскрывающие метафизические различия России и Европы. Немного корректируя стилистику Данилевского, приведем две выдержки из текста, резюмирующие его размышление: «Одна из черт, общих всем народам романо-германского типа, есть насильственность [5, 216]. Как коренная черта европейского характера она ничем не уничтожилась [5, 222]. А ниже – о России: «Терпимость составляла отличительный характер России в самые грубые времена. ... Ничто не могло осилить того кроткого духа, который веет от христианства и который она усвоила себе, совершенно ему подчинившись» [5, 225].

Здесь важно то, что целью Данилевского является не столько критика Европы и апология России, сколько прояснение оснований цивилизационных систем. Ведь, говоря о насильственности, наш мыслитель раскрывает самую суть романо-германского духа, теоретически представленную учениями от Декарта до Гегеля: «Насильственность... есть не что иное, как чрезмерно развитое чувство личности, индивидуальности, по которому человек, им обладающий, ставит свой образ мыслей, свой интерес так высоко, что всякий иной образ мыслей, всякий иной интерес необходимо должен ему уступить, волею или неволею, как неравноправный ему. Такое навязывание своего образа мыслей другим, такое подчинение всего своему интересу даже не кажется с точки зрения чрезмерно развитого индивидуализма, чрезмерного чувства собственного достоинства чем-либо несправедливым. Оно представляется как естественное подчинение низшего высшему, в некотором смысле даже как благодеяние этому низшему. Такой склад ума, чувства и воли ведет в политике и общественной жизни к аристократизму, к угнетению народностей или к безграничной, ничем не умеряемой свободе, к крайнему политическому дроблению; в религии – к нетерпимости или к отвержению всякого авторитета» [5, 216]. То есть речь идет о «добродетели», завершающей свое становление в формате буржуазно-капиталистического общества.

Нам кажется, что Н.Я Данилевский, скорее всего, не очень бы удивился тому, что его книгу можно понять как антибуржуазный манифест, конструктивным лейтмотивом которого выступала актуализация цивилизационной интуиции, основанной на терпимости как добродетели, присущей преимущественно России. В терпимости жертвенности как душевном основании русского человека Данилевский усматривал основание политического величия России: «...Состав Русского государства, войны, которое оно вело, цели, которые преследовало, а еще более – благоприятные обстоятельства, столько раз повторявшиеся, которыми оно не думало воспользоваться, – все показывает, что Россия не честолюбивая, не завоевательная держава, что в новейший период своей истории она большею частью жертвовала своими очевиднейшими выгодами, самыми справедливыми и законными, европейским интересам, – часто даже считала своею обязанностью действовать не как самобытный организм, ...а как служебная сила» [5, 58].



Другими словами, можно сказать, что цивилизационные принципы России, логика их осуществления неизбежно привели к антагонистическому противостоянию с Европой. Это противостояние достигло критического обострения именно в тот период, когда последняя вошла в финальную, буржуазную стадию существования. И для Европы стало очевидным то, что России «не может служить для нее простым материалом, из которого она могла бы извлекать свои выгоды, как извлекает из Китая, Индии, Африки, большей части Америки и т. д., материалом, который можно бы формировать и обделять по образу и подобию своему» [5, 66]. Отсюда, война, развязанная Англией и Францией практически по всему морскому фронтиру России. Поэтому у России только один путь: реализовать собственную культурно-историческую программу.

Хорошо известно о всеславянском проекте Данилевского. Однако не только вся новейшая история развеяла надежды на союз русских, болгар, чехов, сербов и др., но и ближайший последователь Н.Я. Данилевского К.Н. Леонтьев показал несостоятельность всеславянской перспективы. Вместе с тем Леонтьев еще более предметно подверг сокрушительной критике либеральную идеологию буржуазной Европы и предрекал катастрофу России, если она будет следовать ее идеалам. Вместе с тем хорошо известна мечта Леонтьева о возврате к византизму, который по его убеждению должен был спасти Россию от духовного гниения. Но и его несостоятельность была подтверждена историей. Таким образом, ни «всеславянское настоящее», ни «византийское прошлое» не решали проблемы преодоления Россией цивилизационной зависимости от Европы. Очевидно, что зависимость была настолько сильна, что освобождение могло прийти только из самой Европы в модальности ее самоотрицания. Таковым и стало учение Маркса.

Именно учение, а не теория. Ведь теория является обобщением практики. Поэтому теория капитала, разработанная Марксом, и продлила на полтора века господство капитала и торжество буржуазных ценностей. То, что шло на смену капитализму, должно было пройти фазу практической апологетики – оправдания, т.е. обретения фактического права быть в истории. Марксизм в России перестал быть марксизмом, как только он из теории вынужден был стать практикой, которая синхронизировалась в учении о революции и концепции построения социализма в отдельно взятой стране [6]. И все это было не результатом умозрительного произвола, а элементом практического опыта, осуществление которого четко определила контрбуржуазный вектор истории.

Строго говоря, советский марксизм правильнее называть даже не неомарксизмом, а – постмарксизмом. Ведь практика социалистического строительства продемонстрировала то, что посткапиталистическое общество, по крайней мере, не может быть унифицировано, а по западноевропейскому образцу – тем более. Маркс не видел между английским и немецким рабочим существенной разницы, потому что не было принципиальной разницы между немецким и английским капиталистом. Все они части одной Европы – капиталистической метрополии. И в эпоху развитого империализма, последовательно, мутировавшего от коло-

ниализма к неоколониализму и далее к постколониализму, псевдонациональные правительства периферийной зоны капитализма в самом деле пытаются решать задачи буржуазной метрополии по организации организованного угнетения-эксплуатации пролетариата.

Тем не менее, в XX веке, благодаря России, стало понятно, что в посткапиталистическом мире народы хотят жить «самостоятельно государственною и политическою жизнью», зная, что все результаты их деятельности – промышленной, умственной и общественной составляют их полную собственность, а не приносятся в жертву чуждому им политическому телу, не теряются в нем, не составляют материала и средства для достижения посторонних для них целей» [5, 36].

А в XXI веке мы наблюдаем, как антибуржуазная инициатива России активировала пробуждение национального самосознания в первую очередь у тех народов, которые, даже по мнению Данилевского, уже осуществили свое историческое предназначение. Сегодня Китай, Индия, Иран, арабский Восток по новому открывают свои «задачи, идеи, тем более отличные и оригинальные, чем отличнее сама их национальность от прочих в этнографическом, общественном, религиозном и историческом отношениях» [5, 36]. По факту кризис капиталистической системы пошел по нарастающей траектории, но не по вектору, предположенному Марксом. Все более отчетливо просматриваемые очертания многополярного мира указывают на то, что его конфигурация во многом будет соответствовать идеям Н.Я. Данилевского, практическое претворение которых началось в Советской России. И потому враждебность Европы будет нарастать не только по отношению к России, а ко всем странам по мере обретения ими политической, экономической, духовной самостоятельности.

### **Список источников**

- 1.Энгельс Ф. Общественные классы – необходимое и излишнее // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. М.: «Государственное издательство политической литературы», 1961 Т. 19 с. 296-300.
- 2.Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение. // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. М.: «Государственное издательство политической литературы», 1955 Т. 1 с. 414-429.
3. Маркс К. Гражданская война во Франции // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. М.: «Государственное издательство политической литературы». 1961. Т. 17, с. 321-374.
4. Маркс К. Энгельс Ф. Немецкая идеология. Критика новейшей немецкой философии в лице её представителей Фейербаха, Б. Бауэра и Штирнера и немецкого социализма в лице его различных пророков. // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. М.: «Государственное издательство политической литературы», 1955 Т. 3 с. 7-544.
5. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М., «Институт русской цивилизации», 2008.

6. Дудник С.И. Карл Маркс против СССР. Критические интерпретации советского исторического опыта в неомарксизме. СПб., «Наука», 2013.

## References

1. Engels F. Social classes – necessary and superfluous // K. Marx, F. Engels. Moscow: "State Publishing House of Political Literature", 1961 Vol. 19 pp. 296-300.
2. Marx K. A critique of the Hegelian philosophy of law. Introduction. // K. Marx, F. Engels. Moscow: "State Publishing House of Political Literature", 1955 Vol. 1 pp. 414-429.
3. Marx K. The Civil War in France // K. Marx, F. Engels. Works. M.: "State Publishing House of political literature". 1961. Vol. 17, pp. 321-374.
4. Marx K. Engels F. German ideology. Criticism of modern German philosophy in the person of its representatives Feuerbach, B. Bauer and Stirner and German socialism in the person of its various prophets. // K. Marx, F. Engels. Works. M.: "State Publishing house of political literature", 1955 Vol. 3 pp. 7-544.
5. Danilevsky N.Ya. Russia and Europe. A look at the cultural and political relations of the Slavic world to the German-Roman world. M., "Institute of Russian Civilization", 2008.
6. Dudnik S.I. Karl Marx against the USSR. Critical interpretations of the Soviet historical experience in Neo-Marxism. St. Petersburg, Nauka, 2013.

Соколов Алексей Михайлович — д-р филос. наук, доц, проф. Кафедра социальной философии и философии истории СПбГУ; +79313351691, [docentsokolov@yandex.ru](mailto:docentsokolov@yandex.ru)

Кузнецов Никита Всеволодович — д-р филос. наук, доц., директор Института философии СПбГУ; +79217525089, [nikita2554@mail.ru](mailto:nikita2554@mail.ru)